

Синтетичность танатологических мотивов в прозе Николая Гоголя

И. Ю. Тищенко

Киевский национальный лингвистический университет, г. Киев, Украина

Paper received 22.03.16; Accepted for publication 05.04.16.

Аннотация. В статье исследуется проблема художественной интерпретации смерти как явления и процесса в литературном произведении в одном из аспектов – своеобразии танатологических мотивов прозы Н.Гоголя. Выявлены содержательные и формальные доминанты текстовых массивов сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», в частности, «Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месьть», «Майская ночь, или Утопленница», «Старосветские помещики»; повести «Вий», романа «Мертвые души». На основании структурного и семантического анализа определена типологическая принадлежность танатологических мотивов в прозе Н.Гоголя к архетипическим мотивам с очевидными компонентами фольклорных и собственно литературных. В тематическом плане у Гоголя превалируют эмоционально акцентированные эстетизация либо хорроризация смерти как процесса.

Ключевые слова: танатологические мотивы, архетип, эстетизация/хорроризация смерти.

Введение. Если о глубоком взаимодействии в сфере гуманитаристики можно было говорить уже в конце XIX века, то в XXI веке неизбежной становится разновекторная интеграция сферы познания как таковой, когда междисциплинарные связи объединяют естественные науки, философское знание, прикладную методологию и математические подходы в порой трудноразличимой комбинаторике.

Универсальная категория смерти безусловно является одной из доминант человеческого сознания, таким образом становясь объектом осмысления философов античности и Просвещения, мыслителей идеалистического и материалистического направлений, экзистенциалистов и постмодернистов. Разумеется, их исследования были бы невозможны без работ медиков и физиологов, которые предоставили обширный эмпирический и теоретический материал.

Как ни парадоксально, гедонистский XXI век перевел научное понимание смерти в два разнонаправленных полюса: узкоспециализированные академические исследования и популярные, нередко псевдонаучные версии и гипотезы. При этом очевидно, что в своем современном состоянии наука о смерти (распространенное название – танатология) по сути своей междисциплинарна, касается ряда естественных наук, хотя не исчерпывается ими. Проблемы, касающиеся восприятия смерти, ее причин, последствий и дальнейшей рецепции, активно исследуют науки гуманитарные, в частности филология. Лингвисты не обошли вниманием разнообразных танатологических проявлений в языке и речи, что подтверждается существующей традицией их исследования [5; 12]. Вместе с тем, литературоведческие работы существенно обогащают горизонт танатологических исследований присутствием научным вызовом, методологической полифункциональностью, ориентированностью на тесное сотрудничество с разными областями науки в целом. Соответственно, как справедливо утверждает Р. Красильников, «на стыке танатологии и литературоведения возникло исследование в особой междисциплинарной области – литературоведческой танатологии (танатологическом литературоведении)» [8]. Важно, что именно художественная литература дает обширный материал для танатологических исследований, поскольку каждый писатель – по сути автор некоей танатологической концепции, его фантазия и мировоззрение позволяют выстраивать бесконечное количество моделей отношения к смерти и поту-

стороннему миру.

Краткий обзор публикаций по теме. Предложенный Р. Красильниковым термин «литературоведческая танатология» в первую очередь способствует систематизации отображения смерти и всего с ней связанного в художественном тексте, вычленив в литературоведческих трудах все, связанное с этой проблемой. К становлению литературоведческой танатологии по сути причастны М. Бахтин («Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанс», 1965), П. Бицилли («Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого», 1929), Ю. Лотман («Смерть как проблема сюжета», 1993), и ряд других, не менее известных исследователей. Особый интерес к танатологической сфере демонстрируют российские литературоведы, фокусируясь преимущественно на представителях «Серебряного века» (М. Цветаева, А. Белый, Л. Андреев и др.), которые действительно демонстрируют яркое и самобытное прочтение темы смерти; чрезвычайно интересно благодаря скрупулезному анализу текстов монографическое исследование Ю. Семькиной о танатологии в творчестве Л. Толстого. Украинское литературоведение – преимущественно начала XXI века – с неменьшим вниманием отнеслось к указанной проблематике, в частности, это статьи, иногда впоследствии диссертации Н. Малыш про У. Уитмена, Л. Жвания о Т. Шевченко и Лесе Украинке, Н. Тендитной о современных авторах Е. Пашковском и О. Ульяненко, М. Шленевой о В. Голубородко и др.

Однако многочисленные исследования танатологических аспектов художественного произведения лишь упоминают о таком уникальном представителе русской литературы и украинского художественного мира, как Н. В. Гоголь [1; 6; 12]. Если обратиться к массиву исследований, посвященных проблеме «Гоголь и смерть», то обращает на себя внимание обилие материала не о творчестве писателя, а о его собственной смерти, таким образом, личность художника приобрела мифологические характеристики, вместе с тем на периферии исследований остались танатологические аспекты произведений автора. К сожалению, иногда анализ бывает излишне эмоциональным, как у философа К. Исупова: «...известно особое пристрастие Гоголя к изображению всяческой нежити. Логика абсурда в "Ревизоре" и поэтика загробья в "Мертвых душах" рождают фантазмагорию мира монстров, князей тлена, зооморфных чудовищ. Живое и мертвое

меняются местами» [6]. Дискутабельность подобного утверждения очевидна.

Целью нашего исследования, таким образом, является выявление своеобразия танатологических мотивов в прозе Н. Гоголя.

Материалы и методы. Изучение танатологических мотивов в творчестве Гоголя осуществляется с использованием общенаучных (анализ, синтез) и филологических (функциональный, мипологический, структурносемиотический, сравнительноисторический) методов.

Материалом для исследования стали произведения Гоголя: сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» («Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть», «Майская ночь, или Утопленница», «Старосветские помещики»); повесть «Вий», роман «Мертвые души».

Результаты и их обсуждение. Несомненно, именно XIX век с триумфом идеологии романтизма в его первые десятилетия и эклектичностью модернистских тенденций в конце продемонстрировал принципиально новые ракурсы художественной танатологии, очевидно, что «персоналогическая проработка темы смерти в XIX в. принадлежит не философам, а писателям. Творчество А. Пушкина окончательно снимает запрет на исследование проблем смерти и судьбы. Пушкин не отворачивается от горестного зрелища смерти, но он, свидетель пластично иерархизированного мира, предпочитает смерти ее образ» [6]. Очевидно, что именно художественный образ смерти – фокус танатологической части картины мира русских писателей XIX века, индивидуальный для каждого из них, но в целом насыщенный психологическими и философскими смыслами. Поэтому особую значимость для характеристики танатологических мотивов приобретает нарратив и собственно нарратор, ведь преимущественно повествование ведется с точки зрения другого лица, созерцающего смерть. Доминантной композиционной характеристикой является завершенность сюжета, весомость факта смерти для фабулы, когда она может стать как завязкой, так и кульминацией либо развязкой, но непременно важным компонентом событийности произведения.

Как и для других универсальных категорий, для танатологических мотивов существует целый ряд классификаций, основанных на принципиально разных критериях, в частности, Р. Красильников, называя архетипические, мифологические, фольклорные, собственно литературные мотивы, обоснованно утверждает, что в основном мотивы смерти в художественном произведении имеют архетипическую природу [8, с. 13]. Вместе с тем ученый приводит и другие принципы типологии, которые будут применены в нашей статье: насильственная/ненасильственная смерть, наличие/отсутствие танатологической рефлексии, вера/неверие в потусторонний мир, изображение смерти с точки зрения умирающего/наблюдателя [8, с. 16].

В творчестве Гоголя, очевидно, активно функционируют мотивы, связанные с изображением смерти, так, К. Исупов считает, что «подлинным культом смерти отмечена проза Н. Гоголя. Однако гоголевский театр теней не стал эпосом Смерти. Зло захлебнулось собственным избытком: в поэмах нашли свое

место и пиршественные образы, и историософия надежды, и то, что М. Бахтин назвал "катарсисом пошлости". На Гоголе русская культура почти исчерпала позитивные попытки понять смерть в пределах личного опыта» [6]. Вместе с тем исследователи не выяснили происхождения горького оптимизма Гоголя и его иронического пиетета по отношению к смерти, что мы и попытаемся сделать, раскрывая типологию танатологических мотивов в его произведениях. В сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» за кажущимся фольклоризмом и бытописательством поднимаются глубокие онтологические проблемы, в том числе и благодаря синтетичности танатологических мотивов. Остановимся на некоторых наиболее показательных примерах этого.

Трагический сюжет рассказа «Вечер накануне Ивана Купала» максимально насыщен танатологическими мотивами: олицетворяющая смерть старуха-ведьма, собственно описание которой наводит ужас на главного героя, неизбежная развязка – преступник-Петро превращается в кучку пепла. Но самое страшное событие произведения: смерть Ивася от руки возлюбленного сестры. Наблюдаем композиционный прием ретардации: автор дает возможность Петру отступить от фатального поступка, психологически достоверно передавая переживания и отчаяние персонажа. Призыв ведьмы к убийству передано перифразой: «Не видать тебе золота, покамест не доставишь крови человеческой» /подчеркивание наше. – И.Т./ [4, с. 53], но далее события нагнетаются катастрофически: ведьма подводит к Петру жертву, «показывая знаком, чтобы он отсек ему голову» (там же). Далее наблюдаем нагнетание глаголов, которые эмоционально интенсивно передают состояние главного героя: Петр вначале остолбенел, то есть потерял волю к сопротивлению, понимая страшный грех, на который его толкают. Затем «сдернул он простыню» и узнал брата своей любимой. После чего «как бешеный, подскочил с ножом к ведьме Петро и уже занес было руку» (там же), но его останавливает напоминание Басаврюка, тоже неслучайно со «смертельной» ассоциацией: «словно пулю посадил ему в спину». А уже от несметных сокровищ, показавшихся под землей «Глаза его загорелись. . . ум помутился. . . Как безумный, ухватился он за нож» (там же). Петро пытается убежать от содеянного, и когда «мертвый сон охватил его» (можно говорить об аллюзии: сон-смерть, не зря в античной мифологии они родные братья), даруя забыть. Таким образом, уже только в одном произведении видим разнородность танатологических мотивов, что и в дальнейшем будет свойственно наследию писателя. Смерть ужасна, по сути она хорроризируется, насыщается ужасом.

Насыщена изображением смерти повесть «Страшная месть», в которой именно смерть является сюжетобразующим элементом. Коварное убийство боевого товарища, совершенное из корыстных побуждений, становится причиной дальнейших страшных злодеяний. По частотности упоминания слово «мертвый» и «мертвец» повесть превосходит все остальные произведения Гоголя. Мертвые встают из могил, дико кричат, страдая при совершении колдуном новых преступлений. Немаловажно, что центральный персонаж

– олицетворенное зло, сеющее смерть, не пожалевший собственных зятя, внука и дочь, не имеет имени, – его называют или Катеринин отец, или колдун, то есть он лишен защиты светлых сил, которую получают при именовании. В повести достигается максимальная хорроризация через гиперболизированное воссоздание мира нежити, обреченной на вечные муки.

Новелла «Майская ночь, или Утопленница» поэтизирует мир мертвых, обращаясь к народной мифологии. Фольклорные образы русалок – молодых девушек, погибших неестественной смертью, становятся одним из колоритных компонентов воссоздания украинской ментальности, где даже загадочные существа потустороннего мира при определенных условиях помочь влюбленным, оказавшимся затруднительной ситуации. В этом случае наблюдаем эстетизацию смерти, поскольку сама панночка и ее свита изображены необыкновенно привлекательными, например, первое появление панночки: «...приветливая головка с блестящими глазами, тихо светившимися сквозь темно-русые волны волос» [4, с.79]. Вместе с тем мачеха-ведьма отмечена печатью злого начала: неопределенное «что-то черное» виднеется внутри ее тела, что и отличает ее от остальных утопленниц.

Одно из наиболее спорных произведений Гоголя – «Старосветские помещики» дает возможность интерпретировать проблему смерти в ином ключе. Собственно, сюжет его прост и бесхитроу, но при этом глубоко психологичен и философичен. Растительное прозябание Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича, «замкнутость» их жизненного цикла на еде как искусство, нежнейшие отношения друг к другу позволяют рассматривать повесть и как ироничную, но глубоко сентиментальную идиллию, и как эпитафию «старосветству» в целом, и как глубоко скрытый ужас душевного прозябания. Смерть героев является вполне логичным продолжением их жизни: суеверная и мнительная Пульхерия Ивановна расценивает возвращение некогда любимой кошечки, как зов смерти. Афанасий Иванович в саду слышит чей-то голос и также вполне уверен, что это призыв покойной супруги. Говоря об Афанасии Ивановиче, писатель использует развернутую и, казалось бы, стандартную метафору «таять, как свеча», но развивает художественное средство значительно полнее: «...угас так, как она /свечка – И.Т./, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддерживать бедное ее пламя» [4, с.223]. Пульхерия Ивановна в предверие смерти трогательно заботится о муже и страдает не о неотвратимости конца, а от сознания его будущей заброшенности. Но самое ценное в тексте не только прослеживание умирания героев, а прежде всего новаторское для литературы того периода психологически детализированное воссоздание переживания момента смерти оставшимся в живых. Смерть жены стала для Афанасия Ивановича страшнейшим потрясением: «Это так казалось ему дико, что он даже не заплакал» [4, с.223], то есть эмоциональная реакция нестандартна, действия персонажа автоматизированы, совершаются по подсказке окружающих. Горе полностью осознается и выливается только после похорон, когда Афанасий Иванович видит пустую комнату, из которой вынесли даже стул жены, – эта пустота и вызывает у него обильные

слезы. Фактически, мы видим амбивалентность изображения смерти – с одной стороны, она «остранняется», с другой – эстетизируется, ее картины не представляют тягостных физиологических подробностей. В лирическом отступлении Гоголь иронично иллюстрирует свои взгляды на самоубийство «случаем из жизни»: якобы он «знал одного человека в цвете юных еще сил» [4, с.223], который потерял возлюбленную и множество раз безрезультатно пытался покончить с собой. Очевидный гротеск в нагнетании стилистических приемов: ряды эпитетов «нежно, бешено, дерзко, страстно, скромно», эмоциональных гипербола «ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной палящей тоски, такого пожирающего отчаяния» [4, с.223] подчеркивает дифференцирование Гоголем трех видов смерти: неестественного человеческого природе самоубийства, ужасающего преступления против нее – убийства, болезненного, но закономерного угасания.

В повести «Вий» народнопоэтические представления о нечистой силе и ее неодолимости, казалось бы, полностью затмили танатологическое начало, своеобразно реализованное в художественной ткани произведения. Неочевидность смерти Панночки (она ведет себя, как живая, но является мертвой) композиционно фокусирует страх главного героя, ведь Хома Брут не понимает, не в состоянии разгадать подобный парадокс. Гибель же самого героя обусловлена именно архетипической природой смерти как страха и страха как смерти. Вий наделен внешней атрибутикой подземного царства – царства Смерти: «весь в черной земле», ноги и руки «как жилистые крепкие корни», «сказал подземным голосом» [4, с.363], отсюда непобедимость его роковой силы. Вместе с тем Хома гибнет (очевидна аллюзия на античные и христианские мифы: Медуза Горгона, жена Лота) и от собственного любопытства, не удержавшись от взгляда на Вия. Таким образом, хорроризация смерти в «Вие», оттененная мистическими (чудовища) и бурлескными (бурсаки) образами.

Знаковое произведение художника – поэма «Мертвые души» амбивалентна в отношении танатологических мотивов, поскольку метафорический и буквальный смысл заглавия позволяет сделать выводы о мертвенности мира Плюшкиных и Ноздревых, Коробочек и Собакевичей. Вместе с тем подлинно мертвые крестьяне, благодаря оставленному по себе в реальном мире следу, становятся более реальными, принося при этом главному герою подлинный барыш. Мошенничество Чичикова некоторым образом кощунственно. Показательна и реакция помещиков на предложение купить мертвые души: Манилов недоумевает, Коробочка пугается, Собакевич относится подозрительно, то есть каждый именно в этот момент полноценно раскрывает свой характер, слово «мертвый» становится лакмусовой бумажкой для персонажей. Парадоксально, что собственно моментов смерти в произведении как таковых немного: смерть родных Плюшкина да похороны прокурора, перекрывающие для Чичикова выезд из города. Но вместе с тем промозглое состояние мертвечины создает неповторимо саркастичную атмосферу поэмы, таким образом

достигается «тихая хорроризация» смерти в этом произведении.

Выводы. Художественное наследие Н. Гоголя, тематически многообразное и эстетически неповторимое, предоставляет уникальный материал для изучения танатологических аспектов художественного текста. В основе изображения смерти писателем – архетип смерти как некоей неподвластной человеку силы, что дает возможность для выявления синтетичности танатологических мотивов в произведениях автора. Прежде всего, прослеживаем две основные художественно-мировоззренческие тенденции: эстетизация и хорроризация, которые практически не пересекаются

в текстах. Затем обращают на себя внимание переплетение фольклорных (столкновение потустороннего мира и реальности («Вий», «Страшная месть») и гротесковых («Мертвые души», «Вий») тенденций, при этом не исключается концепция смерти как естественного перехода из одного природного состояния в другое («Старосветские помещики»). Итак, существенная неоднородность танатологических мотивов в прозе Н. Гоголя обусловлена как художественным мастерством писателя, так и особенностями его мировоззрения, объединившего ортодоксальное христианство и украинский фольклор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин . – М. : Худож. лит., 1975 . – С. 484-495.
2. Бицилли П.М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии. – Сост., вступит. Статья, коммент. М. Васильевой. – М.: Русский путь, 2000. - 608 с. – С. 177-202.
3. Гармаш Л. В. Особенности танатологического нарратива в прозе Андрея Белого // Литература в контексті культури. Вып. 22(2). Киев, 2012.
4. Гоголь Н. Избранные произведения в 2-х тт. Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. / Николай Гоголь. – К.: Дніпро, 1979. – 414 с.
5. Иванов, Вяч.Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. — М.: Наука, 1965. — 246 с.
6. Исупов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии.- 1994.- №3. – Режим доступа: <http://tzone.kulichki.com/religion/tanatos/rusfil.html>
7. Красильников Р. Нарративно-композиционные функции танатологических мотивов (на материале прозы Л. Н. Андреева), «Критика и семиотика» 2006, вып. 9, с. 96.
8. Красильников Р.Л. Типология танатологических мотивов в литературе // Филологические науки. 2009. №6. С. 11-20
9. Латыпова Л. Т. Танатологические мотивы в поэзии А. Белого // Филологические мотивы в России и за рубежом: Материалы международной конференции. СПб., 2012.
10. Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. 20: Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Amsterdam; Rodopi, 1993. P. 1–15
11. Лотман М. Ю. Поэт и смерть: Из заметок о поэтике Бродского // Блоковский сборник. XIV. Тарту, 1998. С. 188–207.
12. Мортальность в литературе и культуре: Сборник научных трудов // Под ред. А. Степанов, // М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 432 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Rabelais and Gogol (the art of word and folk laugh culture) // Bakhtin Voprosy literatury i estetiki : issledovaniya raznykh let / M.M. Bakhtin . – М.: Khudozh. lit., 1975 . – P. 484-495.
2. Bizylli P.M. The issue of life and death in the works of Tolstoy // P.M. Bizylli. Tragediya russkoi kultury: Issledovaniya, statyi, retsenzii. – Sost., vstupil. statya, komment. M. Vasilyevoi. – М.: Russkiy put, 200. – 608 p. – P.177-202.
3. Garmash L.V. Peculiarities of thanatological narration in prose by Andrey Belyi // Literatura v konteksti kultury. Iss. 22(2). Kiev, 2012.
4. Gogol N. Selected works in 2 volumes. V.1. Evenings on a Farm Near Dikanka / Nikolai Gogol. – К.: Dnipro, 1979. – 414 p.
5. Ivanov Vyach.Vs. Slavic language modeling semiotic systems (Ancient period) Vyach. Vs. Ivanov, V.N. Toporov. – М.: Nauka, 1965. – 246p.
6. Isupov K.G. Russian philosophical thanatology // Voprosy filosofii. – 1994. - №3. – Access mode: <http://tzone.kulichki.com/religion/tanatos/rusfil.html>
7. Krasilnikov R. Narrative and compositional functions of thanatological theme (on the basis of prose by L.N. Andreev), «Kritika i semiotika» 2006, iss. 9, p. 96.
8. Krasilnikov R.L. Typology of thanatological theme in literature // Filologicheskie nauki. 2009. №6. P. 11-20
9. Latyipova L.T. Thanatological theme in poetry by A. Belyi // Filologicheskie motivy v Rossii i za rubezhom: Materialy mezhdunarodnoy konferencii. SPb., 2012.
10. Lotman Yu.M. Death as a plot problem // Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. 20: Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Amsterdam; Rodopi, 1993. P. 1–15
11. Lotman M.Yu. Poet and death: From notes about poetics of Brodsky // Blokovsky sbornik. XIV. Tartu, 1998. P. 188–207.
12. Mortality in literature and culture: Collection of scientific works // Pod red. A. Stepanov, // М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. – 432 p.

Synthetism of thanatological theme in prose by Nikolai Gogol I. Tishchenko

Abstract. This article studies the issue of artistic interpretation of death as a phenomenon and a process in a literary work in terms of distinction of thanatological theme of prose by N. Gogol. Content and form dominants of the following text blocks were discovered: short story collection “*Evenings on a Farm Near Dikanka*”, namely “*St John's Eve*”, “*A Terrible Vengeance*”, “*May Night, or the Drowned Maiden*”, “*The Old World Landowners*”; the short novel “*Viy*”, the novel “*Dead Souls*”. On the basis of structural and semantic analysis typological belonging of thanatological theme in Gogol’s prose to the archetypal theme with obvious components of folklore and, naturally, literary ones were defined. From the topical point, emotionally accentuated aestheticization or horrorization of death as a process prevail in Gogol’s works.

Keywords: *thanatological theme, archetype, aestheticization / horrorization of death.*